

Научно-теоретическая статья

УДК 008.2 + 17.026.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯМИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ОСВОЕНИЕМ КОСМОСА

Мапельман В. М.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Аннотация. В настоящее время проблема перспектив развития человечества, в том числе и космической направленности, является одной из самых актуальных как в науке, так и в философии. В связи с этим в данной статье рассматриваются вопросы особенностей современных социальных и научно-технических процессов, их соотношения и права на квалификацию в качестве прогрессивных явлений. Выделяются признаки, свидетельствующие о росте проявлений напряженности и аморальности в современном обществе, спровоцированные ускорением темпов развития социума и происходящих в нем обновленческих процессов, в основном технического характера. Представлена концепция К. Э. Циолковского, наиболее полно прописывающая образ будущего человечества, путь к нему и средства достижения поставленных задач и идеалов. Характеризуются широко распространенные в наши дни утопические и антиутопические проекты, сориентированные на ближайшее космическое будущее. Оцениваются творческие разработки ученых по описанию образа благого и упорядоченного существования разумных существ в космосе; возможности реализации принципа благоговения перед жизнью. В материале представлены пять основных направлений современных исследований, касающихся глобальных проблем современности, связанных с освоением космоса, в которых затрагиваются вопросы морали и нравственности. Это специальные (в основном технические) работы, в которых присутствует заметная гуманитарная составляющая; общефилософская концепция универсальной истории; варианты включенности элементов прагматической морали в научные теории космического диапазона; привлечение идей русского космизма; попытки разработки космической этики в рамках этической теории.

Ключевые слова: космические исследования, глобальные процессы, космическое прогнозирование, социальный прогресс, гуманитарная катастрофа, мораль, нравственность

Для цитирования: Мапельман В. М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

Scientific and theoretical

UDC 008.2 + 17.026.4

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1

MORAL PROBLEMS GENERATED BY THE RESEARCH OF GLOBAL PROCESSES AND SPACE EXPLORATION

Valentina M. Mapelman

Moscow City University,
Moscow, Russia,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Abstract. Currently, the problem of the prospects for the development of mankind, including the cosmic orientation, is one of the most urgent, both in science and in philosophy. In this regard, this article examines the issues of the peculiarities of modern social and scientific and technical processes, their correlation and the right to qualify as progressive phenomena. There are signs indicating the growth of manifestations of tension and immorality in modern society, provoked by the acceleration of the pace of development of society and the renewal processes taking place in it, mainly of a technical nature. The concept of K. E. Tsiolkovsky is presented, which most fully prescribes the image of the future of humanity, the way to it and the means to achieve the tasks and ideals set. Utopian and dystopian projects widely spread nowadays, oriented towards the near space future, are characterized. The creative developments of scientists are evaluated to describe the image of a good and orderly existence of intelligent beings in space; the possibility of implementing the principle of «reverence for life». The material presents five main directions of modern research concerning the global problems of our time related to space exploration, which address issues of morality and morality. These are special (mostly technical) works in which there is a noticeable humanitarian component; the general philosophical concept of universal history; variants of the inclusion of elements of pragmatic morality in scientific theories of the cosmic range; involvement of the ideas of Russian cosmism; attempts to develop space ethics within the framework of ethical theory.

Keywords: space research, global processes, space forecasting, social progress, humanitarian catastrophe, morality, ethics

For citation: Mapelman, V. M. (2023). Moral problems generated by the research of global processes and space exploration. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3 (47), 8–22. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.47.3.1>

Введение

Современная наука становится все более практичной, если не сказать утилитарной. Даже со стороны ученых можно услышать об «основных и второстепенных знаниях», «избыточных теоретических построениях», «проблематичной научной ценности гуманитарных и социальных исследований». Подобные веяния проникли и в образование, где примеры строгих теоретических выводов, как правило, берутся в основном из области естествознания, где процесс образования настойчиво стараются состыковать со сферой экономики, а практикоориентированность заявлена в качестве одной из основных установок обучения по всем предметным направлениям. В связи с этим хотелось бы напомнить слова выдающегося французского математика Анри Пуанкаре: «Наука, созданная исключительно в прикладных целях, невозможна; истины плодотворны только тогда, когда между ними есть внутренняя связь. Если ищешь только тех истин, от которых можно ждать непосредственных практических результатов, то связующие звенья исчезают и цепь распадается» [Пуанкаре, 1983, с. 218].

При этом не стоит забывать, что практическая стадия наступает после теоретического познания, а мир существует как единое структурно-системное целое. Таким и должна его отражать наука. И сколько бы мы ни пытались оправдывать процесс ее дифференциации, стремясь сосредоточивать наши знания на отдельных, все более детальных фрагментах реальности, их сложение не способно создать целостную научную картину мира. Слишком разнообразны по своей природе процессы и явления, которые они описывают.

Цель любой науки — выявление причин происходящего в реальном мире и закрепление полученных сведений в обобщенных выводах, законах и закономерностях. Завершить данный процесс невозможно. При этом уже полученные знания тяготеют ко все более объемным универсалиям, принимая философские очертания.

Особое внимание наука проявляет к процессам развития, заметно активизируя эти явления в периоды серьезных социальных разломов и исторических переустройств. Современная история подобными явлениями (зачастую достигающими кризисных стадий) насыщена чрезвычайно. При этом любой факт обновления, усложнения, нового открытия (прежде всего в области техники или естествознания) нередко оценивается как позитивный и даже прогрессивный. Действительно, благодаря созданию принципиально новых научных теорий, коренным образом менялись научные представления о мире, довольно энергично пересматривались основания наук, то есть происходили научные революции. Только на современном этапе истории науки их насчитывается уже четыре. Первая произошла в XVII веке, вторая — в конце XVIII – первой половине XIX века, третья — в конце XIX – середине XX века, четвертая — в последней трети XX века. Для двух последних характерны следующие особенности:

- все исследуемые системы и явления рассматриваются с учетом их исторического развития;
- мир бытия уже не ограничивается нашей планетой, а распространяется на всю Вселенную;

- антропный принцип (допущение, предполагающее возможность связи между физическими свойствами Вселенной и существованием в ней разумного существа-наблюдателя) охватывает все формы космического существования;
- начинают реализовываться комплексные исследовательские программы глобального (космического) диапазона;
- ценностно-нейтральный идеал научной деятельности (ориентация исключительно на истинность знаний) дополняется ценностно-оценочным (допущение морально-нравственных квалификаций поступков и поведения ученых).

Результаты исследования

Обновления подобного рода в науке были стимулированы формированием и распространением процессов глобализации. Начав складываться в середине XIX века, они в течение довольно быстрого времени достигли по многим своим модификациям катастрофического состояния. К сожалению, основное внимание ученых продолжало (и продолжает) быть сосредоточенным прежде всего на двух их разновидностях: природных и экологических. В последние годы к ним добавились еще и техногенные. Исследования же причин процессов глобального масштаба, порожденных функционированием социума, в наши дни или системно не ведутся, или сосредоточиваются в основном на областях психологии и организационно-политических просчетах. И хотя в настоящее время можно встретить (в основном в политической литературе) термин «гуманитарные катастрофы», его смысл связывают в основном либо с эгоистическим поведением человека, либо с проявлениями его непрофессионального отношения к системам природного и технического характера, либо с нежелательным для людей сокращением объемов и качества обыденного потребления.

Однако еще на грани XIX–XX веков были сформулированы и иные взгляды на гуманитарную катастрофу, как на человеческую драму глобально-космического масштаба, в процессе которой может быть уничтожено все живое (и природное, и социальное) по причинам сугубо социальным. По мнению их сторонников, гуманитарная катастрофа современного мира может быть порождена стремлением заменить культурно-этические духовные ориентиры в поведении людей на вещные эгоистические чувственные образцы. Одними из первых изложение данной позиции предприняли ученые, мыслители и творческие деятели, которые впоследствии были определены как представители такого философского направления, как русский космизм [Русский космизм, 1993].

Важно иметь в виду, что в русской философии на протяжении всей ее истории не утрачивалось отношение к миру как к универсальной одухотворенной гармонии. Именно в русском языке оказалась востребованной эта содержательная древнегреческая особенность термина «космос», которая воплотилась в понятии «вселенная» (универсальная одушевленность и заселенность всего бесконечного реально существующего мира). Необходимо отметить, что признаваемый в наши дни научным сообществом феномен русского космизма

до настоящего времени пока не сложился в системное целостное философское направление и представляет собой собрание содержательно обособленных концепций. А вот как мировоззрение космизм оказался довольно востребованным в наши дни.

Однако вернемся к вопросу возможной глобальной гуманитарной катастрофы на нашей планете. Одним из первых достаточно отчетливо прописал данную перспективу К. Э. Циолковский, вполне справедливо считавший, что самые опасные угрозы человечеству проистекают от него самого, от поведения людей и тех принципов и ценностей, которые они возводят в норму и принимают за образцы при выборе своих поступков. Неслучайно, Константин Эдуардович был солидарен с теми античными мыслителями, которые, выстраивая иерархию наук, начинали ее с физики, а завершали философией и этикой [Циолковский, 2001].

Он довольно рано обратил внимание на то, что не стало очевидным для многих и в наши дни: ускорение темпов развития общества всегда сопровождается усугублением состояния напряженности в довольно крайних формах ее проявления — агрессивности и аморальности. В настоящее время к ним можно отнести:

- навязчивые призывы к непрерывным преобразованиям, далеко не всегда обусловленным внутренними причинами и внешними потребностями;
- энергичную реализацию обновлений формальных (модификаций, вариантов, версий);
- распространение и одобрение устойчивого состояния нервного и психического напряжения, эпатажного поведения как нормы жизни;
- настойчивую пропаганду модернистских образцов духовной жизнедеятельности людей (в музыке, живописи, литературе, архитектуре, дизайне, кино-, теле- и театральном искусстве, образовании);
- призывы к терпимости в отношении расширяющихся безнравственных форм поведения, нередко квалифицируемых как новый этап развития морали;
- всплеск клерикализма с его претензией на религиозный характер духовно-культурной жизни общества, прежде всего в сфере морали и науки;
- целенаправленное внедрение взглядов на безальтернативную прогрессивность процессов подмены знаний информацией, образования — просвещением, личностной интеллигентности — эффективным потребительством.

Бесспорно, что изменения в современном обществе идут весьма энергично, но всегда ли можно их квалифицировать как прогрессивные, развивающиеся от менее совершенных к более совершенным, к лучшим и предпочтительным? Едва ли, ведь их главные показатели в основном сосредоточены на количественных параметрах (больше, сложнее, быстрее, энергичнее, выгоднее, эффективнее и т. п.). В науке продолжает господствовать уверенность в том, что научно-технический процесс всегда прогрессивен, что он и есть основной показатель социального развития. При этом игнорируются предупреждения ученых-гуманитариев о возможных опасностях, рисках и угрозах, спровоцированных внедрением рекомендаций естественных и технических наук.

Появляется все больше доказательств того, что научно-техническое и социальное развитие могут идти по разным траекториям. Но если учитывать то, что с точки зрения времени прогрессивный и регрессивный векторы направлены не в противоположные стороны, а в одну и ту же, различить их далеко непросто. Однако оценка уровня социального прогресса в современном мире просчитывается на основе количественных (технических) критериев. Так разработанные международные индексы демократии и свободы позволяют: считать образцом полноценной демократии Уругвай; уровень социального равенства определять через соотношение объемов денежных доходов (при этом в расчет не берется их источник); индекс толерантности использовать как основной показатель прогресса в духовной сфере; а вот прогресс в науке и технике измерять числом инноваций (количеством открытий и технических изобретений), приходящихся на миллиард людей в год и увеличением возможности доступа к большему количеству информации.

При этом, как показывает статистика, основные материальные, духовные и культурные ценности общества во все более возрастающей степени оказываются доступными лишь довольно узкой группе обитателей нашей планеты. Остальным предлагаются их суррогаты, обычно в электронном исполнении, культурно минимизированные, направленные в основном на удовлетворение не столько духовных, сколько эмоционально-физиологических потребностей. «Модный» и популярный современный сторонник оценки культуры человечества по количеству ее технических открытий и полноте удовлетворения его естественных потребностей Юваль Ной Харари потратил немало сил, обосновывая мысль о том, что главными двигателями развития цивилизации всегда были, остаются и останутся еда, власть и секс [Харари, 2018; 2019]. Однако его изыскания явно не обращены к привилегированным слоям населения нашей планеты.

Важно учитывать и то обстоятельство, что в современном мире основные моральные ценностные ориентиры (уровень теоретического сознания) адресованы всем и каждому, а вот нравственные оценки реальных поступков конкретных людей или социальных групп (уровень практического поведения) имеют довольно жесткую иерархическую дифференциацию. Для ведущих (управляющих) они одни, а для ведомых (управляемых) — другие. К первой группе относят лучших из лучших, тех, кто способен открывая новые законы природы, давать рекомендации по использованию ее сил и возможностей, придумывать уникальные механизмы, обеспечивать (организационно и финансово) их внедрение и потребление. Это те, кто «могут увеличить механическое могущество человека в тысячи раз», кто воспринимает «космос как сложный автомат, сам производящий свое совершенство» [Циолковский, 2001а, с. 74]. Они считают себя избранными в ходе тщательного отбора и полагают, что их жизнь и деятельность должны быть максимально благоустроены, а для этого им необходимо гарантировать исключительные права и возможности. А как же остальные? Для них достаточно будет обеспечить физиологически безмятежное, комфортное в бытовом отношении, безболезненное и здоровое, насыщенное досугом существование.

В наши дни сторонников у этой позиции немного и попытки оправдать реализацию намерений такого рода вызывают энергичные протесты. Однако идеологов подобного варианта развития общества в расчете на отдаленное будущее это не останавливает, тем более что в их руках сосредоточены серьезные рычаги власти и финансово-экономико-техническое господство.

Описывать будущее пытались и пытаются многие ученые. Сложилась даже отдельная сфера теоретического знания — футурология. В ее рамках предпринимаются попытки решать задачи прогнозирования будущего, нередко путем экстраполяции существующих тенденций (в основном технологических и экономических) на явления и процессы последующего отдаленного времени. Однако квалифицировать их как научный прогноз нам кажется преждевременным. По сути дела, многие из них (в том числе и космические), претендующие на квалификацию прогностических, аналогичны популярным утопическим теоретическим построениям, появившимся еще в XVI веке.

Их основу составляли (и продолжают составлять): вера в технический прогресс и могущество человеческого разума; чрезвычайное внимание к обыденным и бытовым взаимоотношениям между людьми; ориентация на абсолютно совершенные благие идеалы; внеисторический, вневременной и внекультурный подходы к проектированию будущего [Чаликова, 1994]. За довольно короткий временной срок они прошли путь от художественных фантазий до научных построений и попыток их реализации. При этом у всех подобных версий есть ряд общих особенностей. Во-первых, сочетание научно обоснованных, теоретически рассчитанных тенденций развития взаимосвязанных естественных и технических процессов с гуманитарной составляющей, ограниченной вопросами исключительно психологического и утилитарно-бытового характера. Во-вторых, они насыщены серьезными предложениями по созданию эффективной технической среды, в которой осуществляется жизнь и деятельность людей. В-третьих, они дополняются произвольно сформулированными предложениями по организации благоустроенной, счастливой жизни для каждого и правилами по ее управлению.

По сути дела, эти утопические проекты различаются лишь степенью своей привлекательности. Однако если до недавнего времени они в основном были сосредоточены на описаниях позитивных перспектив будущего социального существования, то в наши дни эстафету перехватили антиутопии. Их главная задача — максимально испугать людей изображением возможного будущего. В этой ситуации антиутопии взяли на себя еще и функцию компрометации любого варианта общественного устройства, который был бы не связан с господствующими в наши дни буржуазными ценностями. Это довольно впечатляюще и даже талантливо представлено в художественной форме, например у Р. Брэдбери, Е. И. Замятина, Д. Оруэлла, О. Хаксли и других. При этом антиутопии все-таки оказались способны нарисовать картину будущего мирового космического порядка, представляющую собой слепок с современных социальных взаимоотношений, но в гипертрофированной форме.

Существующие малочисленные позитивные картины космического общества тоже выглядят не очень жизнеспособно, а нередко и непривлекательно. В частности, так обстоит дело с версией К. Э. Циолковского, предложившего не только собственное целостное видение вселенского мира, но и прописавшего тенденции его становления и развития. Он разработал свой вариант структуры этого мира, где каждый фрагмент рассмотрен не только с точки зрения его специфики и строения, но и с позиции функциональных связей с другими элементами. В нем нет ни одного второстепенного структурного элемента мироздания, в том числе ни одного уязвимого варианта отношений и взаимодействий. К. Э. Циолковский попытался рассмотреть особенности сочетания разноприродных явлений в жизни социума (естественных, технических, гуманитарных, социальных, абстрактных). Вполне в духе античного понимания космоса он отвергал существование идей чисто технических или гуманитарных, физических или медицинских, так как в каждой из них присутствовали социальные составляющие и ценностно-моральные аспекты. Технические процессы, по его мнению, способны породить естественные последствия, гуманитарные отношения сказываться на природных явлениях, а естественные закономерности определять правила поведения человека и смысл его поступков. Данное обстоятельство выгодно отличает позицию К. Э. Циолковского как от попыток решить данную задачу (создать целостную динамичную картину мира) многими его современниками (например, В. И. Вернадскому это так и не удалось), так и от максимально вульгаризированных (упрощенных) ее модификаций, предлагаемых в наши дни.

Позиция К. Э. Циолковского оказалась фактически первой теоретической разработкой, включающей в себя прогностические расчеты будущего бытия. В ней дан анализ рекомендуемых нравственных отношений, а также попытка прописать культурно-интеллектуальные перспективы продвижения земной цивилизации во Вселенную. Он попытался описать состояние космического счастья, обосновать возможности бессмертия, отсутствия страданий и достижения свободы у отдельных индивидов, правда на естественно-научных основаниях. А иначе и быть не могло, ведь человек у него — это, прежде всего, существо природное. Если он, страдая, прошел путь длительной эволюции, то в его поведении должны были сложиться врожденные нравственные инстинкты. Если они в каких-то обстоятельствах не способны автоматически обеспечить достойное поведение, то тогда подключается разум, диктующий причинно обусловленное соотнесение моральных ориентиров с поставленными целями. Нравственность у Циолковского ставится в зависимость от знаний, но не от любых, а лишь от научных. Таким образом, обладатель гениального разума неизбежно является носителем идеальной нравственности. Но так как данную зависимость опытом подтвердить невозможно, то приходится отождествлять истину с добром и благом. В этом случае положительной оценки заслуживают действия любой разумной силы, если она опиралась на истинные выводы теоретических построений, независимо от того, о чем идет речь:

о созидании или уничтожении, покорении или освобождении, консервации или преобразовании.

К. Э. Циолковский полагал, что если нравственная доктрина покоится на исключительно благих моральных требованиях и безупречных идеалах, то и построенная на них теоретическая система позволит выработать такие рекомендации для области нравственных отношений, которые бы полностью исключили какие-либо проявления аморализма. Он не сомневался, что истинно нравственная жизнь достижима лишь в условиях космического единения, где нет мотивов к самоистреблению, налажена система воспитания и усвоения каждым высших моральных идеалов, отсутствуют страхи и опасения, в том числе и страх смерти. Одним словом, реализуется полнейшее безбрежное, ничем не прерываемое счастье.

Интеллектуальный труд специалистов и практиков, профессионалов высочайшего уровня квалифицируется К. Э. Циолковским как наиболее уважаемый и продуктивный. Базируется он на их врожденной и развитой талантливости. Они и составляют элиту космического сообщества. Если нравственные последствия их поведения не совпадут с моральными ориентирами, но будут сопровождаться чрезвычайно значимыми творческими результатами, то выбор общества должен быть сделан в пользу результатов. Таким образом, человек будущего достигнет уровня эталонного добра и предельного совершенства, хотя оценки эти являются по сути дела не моральными, а интеллектуальными.

Подобная модель человека будущего (в том числе и космического) и в наши дни достаточно распространена. Уже с детства люди разделяются на отдельные социальные группы. Таких групп можно выделить как минимум четыре. В первую попадают те, кто может себе позволить разностороннее, фундаментальное, но при этом малодоступное, дорогое, традиционное элитарное образование. Вторую группу составляют особо талантливые представители, которые получают поддержку правящих группировок и благодаря ей будут подпущены к высококачественному образованию. Представители самой большой, третьей группы под активную пропаганду разнообразных образовательных технологий будут обеспечены «ширпотребом» не выше бакалавриата. В итоге они смогут выступать дополнением для тех или иных технических устройств и станут квалифицированными рабочими или исполнителями. Поскольку они не уникальны, то их просто заменять другими такими же. Четвертую группу составляют ненужные и избыточные для правителей люди. От них необходимо освобождаться.

Стремление спроектировать абсолютно благое общество довольно распространено и сейчас. При этом необходимо заметить, что оно характерно для всех утопических проектов, в том числе и для антиутопий, где оно присутствует в неявном виде. Общекосмическое распространение исключительно благого и упорядоченного существования разумных существ допускается многими исследователями как аксиома. Включенность в него земной цивилизации рассматривается в основном с технической точки зрения, то есть с позиции

возможности конструирования специальных приспособлений, позволяющих реализовывать задачи расселения интеллектуальных индивидов во Вселенной. Однако любая техническая система имеет свою социальную составляющую и игнорирование ее способно превратить перспективный технический проект в социально опасный и морально ущербный.

Проектирование будущего сообщества космических обитателей, как правило, сопровождается реализацией принципа ненасилия, то есть отсутствием в нем условий для страданий и принуждения. Особо подчеркивается его моральный характер, хотя прорабатываемые в нем аспекты насыщены либо психологическим, либо политическим содержанием. Попытки теоретической проработки данного принципа осуществлялись в гуманитарном знании неоднократно. Одним из самых популярных является вариант благоговения перед жизнью, предложенный А. Швейцером. По его мнению, «стать нравственной личностью означает стать истинно мыслящим. <...> Этика благоговения перед жизнью... признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое уничтожение жизни или нанесение ей вреда, независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло» [Швейцер, 1973, С. 305, 314–315]. Чем больше наблюдается в современном мире насилие, давление и агрессивность, тем более привлекательным выглядит данный, довольно наивно (но искренне) трактуемый принцип.

Серьезность и принципиальная важность морально-нравственной сферы жизни людей связана еще и с тем, что нравственное здоровье общества не зависит напрямую от конкретных форм политического правления, действующего законодательства, уровня экономического развития, образа жизни, объема накопленных знаний и приобретенных навыков. Более того, нравственность не является практическим воплощением идеалов морального сознания. Именно поэтому постановка задачи полного освобождения от проявлений безнравственности, руководствуясь принципом ненасилия, как на нашей планете, так и за ее пределами едва ли может быть успешной. Проектирование моральных образцов и нравственная практика жизнедеятельности — это не сообщающиеся сосуды.

Однако в настоящее время наблюдается энергичная разработка некоторых универсальных принципов поведения непротиворечивого характера (этика ненасилия, глобальная этика, этика общечеловеческих ценностей). Не согласовывая свои разработки с особенностями функционирования нравственных процессов, культурными и историко-хронологическими параметрами, их авторы фактически сосредотачиваются на вопросах физической сохранности жизни и поддержания ее в благоприятных естественно-бытовых условиях. По сути дела, характеристики ненасилия совпадают с современными модификациями насилия, но с противоположным знаком.

Разработчики космических проектов, ссылаясь на принцип ненасилия, тоже имеют в виду некое абстрактное морально благополучное общество, которое при этом должно обязательно и непременно развиваться прогрессивно. Возможных космических обитателей они заранее наделили всеми допустимыми

проявлениями совершенства. Данный процесс сопровождается попытками создания универсально справедливых и благих моральных кодексов, обладающих рядом общих особенностей. Во-первых, в них проработана исключительно моральная составляющая, обращенная к сфере сознания, при игнорировании нравственно прикладных элементов. Во-вторых, добродетели и пороки в них рассматриваются автономно друг от друга. В-третьих, с помощью скрытой или явной ориентации на религиозные ценности осуществляется попытка избежать проблем нравственной противоречивости социальных отношений. В-четвертых, априорное допущение наличия оптимальных вечных нравственных ценностей, которые являются, по сути, ценностями морали. Все это можно наблюдать в попытках создания моральных космических кодексов как вариантов Декалога (библейских десяти заповедей Бога), созданных выдающимися представителями науки XX века А. Эйнштейном, Б. Расселом, А. Д. Сахаровым, Д. С. Лихачевым, А. Д. Александровым.

Разработчики космических этических рекомендаций тоже стараются не покидать поприще морали, не затрагивая область нравственности и трактуя эти два термина как синонимы. В качестве образцов этики ненасилия нередко предлагаются продемонстрировавшие на практике свою уязвимость религиозные в своей основе концепции Л. Н. Толстого, М. Ганди и М. Л. Кинга. Надежда гармонизировать социальные отношения оправданным насилием (вариант К. Э. Циолковского) или полным отказом от него (вариант А. Швейцера) путем социальной селекции, не только утопична, но и негуманна. Попутно авторам подобных разработок удалось (нередко вопреки их собственным намерениям) продемонстрировать, каким образом морально привлекательный проект может трансформироваться с точки зрения нравственности в порочный образ жизни.

К. Э. Циолковский (и не только он один) мечтал о Вселенной, где «в космосе существует только истина, совершенство, могущество и удовлетворение...». «Высшее богатство: непрерывно бесконечная совершенная и блаженная жизнь космоса и каждого его атома!... Это несомненное и ни с чем не сравнимое счастье сделало бы нас добрыми» [Циолковский, 2001, с. 288, 198]. Фактически его идеал — это стремление к абсолютному совершенству разума. Его носитель — «воображаемое существо, выработанное тысячами лет искусственного подбора (как сахарная свекла), с одним головным мозгом и его проводками...» [Циолковский, 2001а, с. 133]. Его можно создать путем искусственной эволюции, в результате которой появятся «совершенные организмы, мало чувствительные к радостям и страданиям. Молодость их не очень восторгает и старость их не очень мучает. Получается философское равнодушие, равнодушие Будды, величие нирваны. Не смертный покой, но жизнь, богатая делами, великими поступками, только философски спокойная. Она стоит на страже нашей планеты и распоряжается мудро жизнью и природой. Не позволяет она возникновению несчастий, горя, болезней, смертных агоний, грубых резких радостей, наслаждений и неизбежно сопутствующих им мучений. Не человек один будет застрахован от этих низких животных чувств, но и все живое. И так,

да здравствует деятельная нирвана, нирвана бесполезных чувств, но не по-ступков!» [Циолковский, 2001, с. 263]. Не напоминает ли это искусственный интеллект?

Заключение

К этому ли мы стремимся? Хотим ли мы такого результата? На это ли направлена аэрокосмическая деятельность — реальность нашей современной жизни? Несмотря на ее предпочтительно техническую ориентацию, в ней признается принципиальная важность социальных аспектов, хотя они, как правило, ограничиваются экономическими, природно-экологическими, политическими и психологическими взглядами. При всей оправданности внимания к ним они явно не исчерпывают всей полноты социальных и гуманитарных составляющих аэрокосмической деятельности. И если квалификация организаторов, руководителей и исполнителей подобного рода работ подкреплена их профессиональной базой (образование, научные достижения, опыт руководства, квалификационные навыки), то гуманитарные разработки практически ведутся не специалистами и принимаются без должных аргументов на уровне допущений. Кроме того, к сожалению, представители современных инженерных и технических специальностей плохо себе представляют, а нередко просто не задумываются о них: о социальных и этических последствиях своих профессиональных решений и действий, а значит, они не в состоянии нести за это ответственность.

В соответствии с рассматриваемой темой хотелось бы обратить особое внимание на исследования, ведущиеся в настоящее время в нашей стране по пяти направлениям. Первое из них представляют специализированные работы, связанные с конкретными (в значительной степени техническими) процессами освоения космического пространства, в которых присутствует довольно значительная гуманитарная составляющая. Прежде всего, это работы С. В. Кричевского [Кричевский, 2020]. По его мнению, есть две причины, которые делают задачу расселения человека в космосе актуальной: это его выживание (спасение) в случае глобальных земных катастроф и удовлетворение его стремления к более безопасному, качественному, интересному и насыщенному существованию. Причем вторая цель является технически более достижимой, чем первая. Космический человек — это разумное существо, которое осознает свое космическое предназначение, стремится жить вне Земли, готов к этому или уже живет вне нашей планеты. Свое становление он проходит за четыре этапа: космический мечтатель, космонавт, рожденный вне Земли индивид и «абсолютно космический» человек (зачатый и рожденный в космосе, воспитанный и сформировавшийся вне Земли среди сообщества себе подобных). Практическая составляющая таких проектов имеет не только основательную теоретическую и техническую проработку, но и свою довольно серьезную

прикладную историю. Интересные естественнонаучные, технические и психологические составляющие в этих проектах сопровождаются оригинальными проработками политического и правового характера, но вот этические элементы в них почти не прослеживаются.

Второе направление наиболее отчетливо представлено в творчестве А. П. Назаретяна. Он, разрабатывая общефилософскую идею универсальной истории, достаточно убедительно обосновал позицию, в соответствие с которой «“прогресс” как средство сохранения всегда представляет собой паллиатив (полумеру, компромиссное решение — *В. М.*) — выбор меньшего из зол. Это заставляет критически отнестись к глобальным утопиям, широко разрекламированным и опирающимся на политические авторитеты. <...> Одно из непреходящих условий выживания планетарной цивилизации составляет “диалектическое снятие” авторитарных форм морали моралью критической. В быстро усложняющемся мире ограниченный набор алгоритмов (заповедей), опирающихся на запредельный авторитет, делает человека беспомощным перед лицом новых проблем и неспособным принимать адекватные решения» [Назаретян, 2020, с. 212, 228]. Выход из этой ситуации возможен при условии перерастания планетарного сознания в сознание космологическое. Однако на этом пути лежит препятствие — «неготовность разума совладать с растущим инструментальным могуществом» [Назаретян, 2013].

Третье направление развивает прагматические тенденции в научной теории. Их сторонники, касаясь вопросов этики, называют ее исключительно прикладной наукой, сосредоточенной на практической реализации требований морали. Они делают ставку на признание принципа ответственности основным показателем «образцовой моральности». Данный подход прослеживается в трудах В. А. Канке, где «образцовая моральность — это образ жизни... <...> способность поступать в соответствии с содержанием философской и нефилософской этики» [Канке, 2003, с. 299], а взгляд в будущее ограничен ориентацией на наше время и лишен каких-либо нравственных оценок и ориентиров.

Четвертое направление объединяет сторонников русского космизма, затрагивающих этические аспекты космической перспективы развития человечества. Цели реализации их намерений направлены на «объединение ради прекращения насилия и совместного избавления от несовершенств и изъянов человеческой природы; дальнейшее развитие науки и техники, изучение космоса, познание природы и человеческого организма; выявление и поддержание гениев, исследователей, изобретателей, новаторов, просветителей; создание рационального и гуманного общественного устройства, основанного на власти интеллектуальной элиты; усовершенствование человеческой природы, очищение ее от животных инстинктов, агрессии, алчности и склонности к идейным заблуждениям» [Безгодов, Барезев, 2019, с. 253].

А вот пятое направление составляют крайне малочисленные и только недавно начавшие появляться работы этиков. В частности, в один из учебников по этике включен параграф «Пример космической этики» [Апресян, 2017,

с. 323–324]. Однако и в этом случае можно наблюдать привычный технократический подход. Формулировка «этика освоения и использования космического пространства» отождествлена в нем с космической этикой. Все прописанные рекомендации замыкаются на исключительно моральные составляющие: выделить этические аспекты, соотнести их с моральными принципами и сформулировать соответствующие рекомендации (и даже кодексы). Вместе с тем в содержательном отношении предлагаемые советы носят не столько этический, сколько экологический, правовой, политический, биологический и даже экономический характер. А вот сферы нравственности (оценок совершаемых поступков с позиции меньшего зла) они практически вообще не касаются. Спорной является и мысль о том, что «конечной целью всех исследований космоса является расширение человеческого опыта и знаний в проекции на исследование Земли» [Апресян, 2017, с. 324].

Таким образом, морально-нравственные проблемы, порожденные изучением глобальных процессов и освоением космоса, находятся на начальной стадии и еще только ждут своих исследователей.

Список источников

1. Пуанкаре А. О науке: пер. с фр. М.: Наука, 1983. 560 с.
2. Русский космизм. Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
3. Циолковский К. Э. Космическая философия / под ред. В. С. Авдеевского. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.
4. Харари Ю. Н. Homo Deus: краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
5. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2019. 512 с.
6. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. Калуга: Золотая аллея, 2001а. 384 с.
7. Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Весть, 1994. 184 с.
8. Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 344 с.
9. Кричевский С. В. «Космический» человек: идеи, технологии, проекты, опыт, перспективы // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 1. С. 26–35.
10. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М.: Ленанд, 2020. 256 с.
11. Назаретян А.П. / Второй международный конгресс «Глобальное будущее 2045», Нью-Йорк: 2013. URL: http://2045.ru/scientific_council/32081.html
12. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. 352 с.
13. Безгодов А. В., Барезhev К. В. Начала планетарной этики в философии русского космизма. Т. 2. СПб.: Питер, 2019. 352 с.
14. Апресян Р. Г. Этика. М.: КноРус, 2017. 356 с.

References

1. Poincare, A. (1983). *O nauke. [About science: Trans. from French]*. Moscow: Nauka. 560 p. (In Russian).

2. Semenova, S. G. & Gacheva, A. G. (Comp.) (1993). *Russkiy kosmizm [Russian cosmism. Anthology of philosophical thought]*. Moscow: Pedagogika-Press. 368 p. (In Russian).
3. Tsiolkovsky, K. E. (2001). *Kosmicheskaya filosofiya [Cosmic philosophy. Edited by V. S. Avdukevsky]*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russian).
4. Harari, Yu. N. (2018). *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushhego [Homo Deus: A brief history of the future: Trans. from English by A. Andreeva]*. Moscow: Sinbad. 496 p. (In Russian).
5. Harari, Yu. N. (2019). *Sapiens: Kratkaya istoriya chelovechestva [Sapiens: A brief history of mankind: Trans. from English by L. Summ]*. Moscow: Sinbad. 512 p. (In Russian).
6. Tsiolkovsky, K. E. (2001a). *Ocherki o Vselenniy [Essays on the Universe]*. Kaluga: Golden Alley. 384 p. (In Russian).
7. Chalikova, V. A. (1994). *Utopiya i svoboda [Utopia and freedom]*. Moscow: Vesti. 181 p. (In Russian).
8. Schweitzer, A. (1973). *Kultura i etika [Culture and ethics]*. Moscow: Progress. 344 p. (In Russian).
9. Krichevsky, S. V. (2020). «Kosmicheskii» chelovek: idei, tekhnologii, proekty, opyt, perspektivy` [«Space» man: ideas, technologies, projects, experience, prospects]. *Aerospace sphere*, 1, 26–35. (In Russian).
10. Nazaretyan, A. P. (2020). *Intellekt vo Vselennoy: istoki, stanovlenie, perspektivy [Anthropology of violence and culture of self-organization]*. Moscow: Lenand. 256 p. (In Russian).
11. Nazaretyan, A. P. (2013). *The Second International Congress «Global Future 2045»*, New York. http://2045.ru/scientific_council/32081.html
12. Kanke, V. A. (2003). *Etika otvetstvennosti. Teoriya morali budushchego [Ethics of responsibility. The theory of morality of the future]*. Moscow: Logos. 352 p. (In Russian).
13. Bezgodov, A. V., & Barezhev, K. V. (2019). *Nachala planetarnoy etiki i filosofiya russkogo kosmizma [The beginnings of planetary ethics in the philosophy of Russian cosmism]*. Vol. 2. St. Petersburg.: Peter. 352 p. (In Russian).
14. Apresyan, R. G. (2017). *Etika [Ethics]*. Moscow: knoRus. 356 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Мапельман Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mapelman Valentina Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Directorate of Educational Programs, Moscow City University, Moscow, Russia.

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>